

БЫЛИ ЛИ ЛАГЕРЯ ЗАПРЕЩЕННОЙ ТЕМОЙ?
ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ НЕГЛАСНЫХ ПРАВИЛ ИГРЫ

Дуччо Коломбо

Во многих детективных фильмах я видел, как попавшие в руки ФБР советские шпионы легко проходят проверку детектором лжи. Я в это охотно верю. Не только шпионы, а все советские люди поголовно прошли большую школу лжи, которой их обучали родители, детсадовские воспитатели, учителя, газеты, радио, телевидение, парторги и лекторы из общества “знание”.

Владимир Войнович

Проблема

Вся долгая история Архипелага за полстолетия не нашла почти никакого отражения в публичной письменности Советского Союза. Здесь сыграла роль та же злая случайность, по которой лагерные вышки никогда не попадали в кадры киносъёмки, ни на пейзажи художников.¹

Так пишет Солженицын в *Архипелаге*; это мнение – общепринятое² и подтверждается находками Арлена Блюма в архивах Главлита:

В <...> перечне закрытых сведений 1930 г. и во многих других документах “гос-тайной” объявлено самое существование концлагерей. Точнее – “сведения о деятельности концлагерей ОГПУ и о жизни заключенных в них можно публиковать только с разрешением ОГПУ”, но таковое разрешение практически никогда не давалось.³

¹ Солженицын А. Собрание сочинений. Том пятый. Архипелаг ГУЛag. Части III-IV. М., Время, 2010. С. 67.

² Ср.: “Размышляя об отражении советской Тайной полиции в литературе за 75 лет, историк оказывается перед редчайшим в истории мировой словесности случаем – редчайшим, если не единственным. Политический центр социального бытия, постепенно превратившийся в постоянное переживание каждой отдельной жизни, укреплявшийся с каждым десятилетием в течение более чем полувека (‘Госстрах’), – в литературе этот центр бытия не фигурировал”. Эткинд Е. “Госстрах” в литературе // Госбезопасность и литература: на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М., Рудомино, 1994. С. 17-18.

³ Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора: 1929-1953. СПб., Академический проект, 2000. С. 136.



Однако, ряд мест в произведениях, опубликованных в 1930-х годах в Советском Союзе, противоречит такому заключению. Как понимать, например, следующую строфу из *Страны Муравии* Твардовского?

Что за помин?
 – Помин общий.
 – Кто гуляет?
 – Кулаки!
 Поминаем душ усопших,
 Что пошли на Соловки.⁴

Очевидно, что для правильного прочтения этих строк необходимо, чтобы читатель понимал, что на Соловки кулаки отправились не рыбу ловить и не любоваться видами северной природы и церковной архитектуры. Эти строки были напечатаны и в первом издании поэмы (журнал “Красная новь”, 1936) и, насколько нам известно, во всех многочисленных последующих.⁵

В 1934 году вышел в свет роман Ильи Эренбурга *День второй*, в котором в описании строительства Кузнецкого металлургического комбината встречается следующий фрагмент:

На осиновских рудниках работали заключенные: они добывали уголь. Руда с углем давала чугун. Среди заключенных был священник Николай Извеков, тот, кто перед смертью причастил мать Коли Ржанова. Когда Извекова вычистили из санитарного треста, он стал проповедовать “близость сроков”. Он переписывал послания апостола Павла и продавал списки по пять целковых. Он также служил тайные панихиды по усопшему государю. Его послали в концлагерь сроком на три года. Он грузил в шахте уголь. Рядом с ним работал Шурка Турок. Шурка прежде торговал кокаином. Извеков говорил Шурке: “Нечестивцы будут брошены в озеро, кипящие огнем и серой”. Он говорил это, но он больше ни во что не верил. Он только припоминал тексты Писания. Шурка в ответ гадко ругался. Зловеще посвечивал уголь.⁶

В 1934 и 1935 годах вышло четыре издания романа, затем он был переиздан в *Собрании сочинений* в 1953 году; цитированный абзац ни разу не был вычеркнут.

В своей монографии о лагерной литературе Дариуш Толчик утверждает – в том же духе, что и другие специалисты, но с уточненными временными координатами – что “the theme of the Soviet concentration

⁴ Твардовский А. Собрание сочинений, Т. 1, М., Художественная литература, 1976. С. 233.

⁵ Проверить все без исключения издания у нас не было возможности, но в довольно большой выборке строфа присутствует неизменно.

⁶ Эренбург И. День второй. Роман / 2 изд. [М.], Художественная литература, 1934. С. 35.

camp (up until then a topical setting for descriptions of the triumphs of the regime) vanished altogether from Soviet literature”⁷ начиная с 1937 года. Дата эта – не приблизительно: 1937 – год наложения запрета на вышедший в 1934 году под редакцией самого Горького сборник *Беломорско-Балтийский канал им. Сталина*:

поскольку, с одной стороны, двое из трех редакторов – крупнейший рапповский критик Л. Авербах и начальник строительства С. Фирин – были разоблачены как “враги народа”, а с другой, и среди авторов, воспевавших радости “свободного труда”, оказалось немало “двурушников”.⁸

История строительства Беломорканала, по словам Блюма, была “единственным в 1930-е годы исключением”.⁹ Но если говорить об исключении, то это был, очевидно, не сборник, а сам объект, в то время как советская библиография о Беломорканале довольно представительна. Например, в том же самом 1937 году, когда сборник был запрещен, вышли отдельными книгами *Беломорская поэма* Василия Казина, сборник стихов Семена Олендера *Беломорские вечера* и очерк Михаила Пришвина *Отцы и дети (Онего-беломорский край)* (не принятый в сборник, текст Пришвина вышел, однако, в “Красной нови” в том же самом 1934 году, и был после этого переиздан отдельно).¹⁰ Особый интерес представляет *История одной жизни* Михаила Зощенко. Опубликованная в названном сборнике (Зощенко был единственным писателем, кроме Горького, которому доверили отдельную главу), повесть вышла в том же 1934 году отдельным изданием. С этого момента она перепечатывалась в каждом новом сборнике писателя (*Избранное*, Л., Гослитиздат, 1936; *Избранные повести*, там же, 1937, *Избранное*, там же, 1939) и была запрещена в 1940 году. Блюм цитирует соответствующий документ цензурного управления, в котором “приведены мотивы изъятия”:

в ней <повести– Д. К.> приводятся “цитаты из письма уголовника, где Фирин восхваляется как хороший начальник, воспитатель уголовников. Вопрос об изъятии этой книги поставлен НКВД из-за восхваления Фирина, разоблаченного как врага народа”.¹¹

⁷ Tolczyk D. See no Evil: Literary Cover-Ups and Discoveries of the Soviet Camp Experience. New Haven and London, Yale University Press, 1999. С. 180.

⁸ Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора. С. 137.

⁹ Там же.

¹⁰ До этого вышли – не говоря уже об очерках в периодической печати – драма Н. Погодина *Аристократы* (журнал “Красная новь”, 1935, № 4, и две отдельных издания: М., Гослитиздат, 1935, и М.-Л., Искусство, 1936) и *Сказка об Алешке-Рязань и дядьке Беломоре* Льва Кассиля (М., ОГИЗ-Детгиз, 1935).

¹¹ Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора. С. 207-208

По мнению Блюма, “Зощенко, в отличие от прочих, плохо выполнил социальный заказ”.¹² Его повесть, однако – в отличие от работ “прочих”, – была переиздана с незначительными купюрами (имя Фирина, появившегося на страницах повести лишь один раз, и несколько фраз во вступительной главе),¹³ пока в 1946 году Зощенко не перестали печатать вообще. При этом эта повесть неизменно присутствовала в каждом новом издании произведений Зощенко, когда после XX съезда они опять стали появляться.¹⁴ Как ни парадоксально, у такого писателя, как Зощенко, повесть о лагере оказалась одним из самых приемлемых для официоза произведений.

Похожая картина сложилась и с Пришвиным: сегодняшняя критика удивлена тем, что его *Отцы и дети* (и очерк *Соловки*, написанный после того же путешествия по северным лагерям и так же вышедший в “Красной нови”) в 1930-х годах были вообще напечатаны (хотя лагерь описаны здесь в духе горьковского сборника как явление совсем положительное).¹⁵ Пришвин включил лагерную тему и в новые варианты своих дореволюционных книг *В краю непуганых птиц* и *Колобок*, вошедших в *Собрание сочинений* 1935 года. “Колобок в новом варианте – с главами о Соловецком лагере – вышел отдельными изданиями в 1934 году в Москве и в 1936 году в Петрозаводске и вошел в пришвинское *Избранное* 1952 года. Лагерная тема, оказывается, делала дореволюционные тексты Пришвина более приемлемыми.

Когда же в 1948 году писатель пытался опубликовать роман о Беломорстрое *Осударева дорога*, выбор темы не был одобрен. В дневнике писателя можно обнаружить указания на это:

12 декабря. “Октябрь” через Иленькова подает тревожные сигналы о *Дороге*: требуется уничтожить труд заключенных, и, может даже, что события были именно не на Беломорском канале.

¹² Там же.

¹³ Зощенко М. Уважаемые граждане: избранные рассказы 1923-1938. Л., Советский писатель, 1940; *Его же*, Избранные произведения 1923-1945. Л., Гослитиздат, 1946.

¹⁴ См.: Зощенко М. Рассказы. Фельетоны. Повести. М., Гослитиздат, 1958.

¹⁵ “Самая больная тема описанного им строительства – использование рабского труда – получила на страницах новых *Края* и *Колобка* такое освещение, что, читая сегодня иные из пришвинских строк, диву даешься, как мог он их написать и как могли их опубликовать и ничего ему за это не сделать?” Варламов А. Пришвин. М., Молодая гвардия, 2021. С. 336. См. также: Худенко Е. Беломоро-Балтийский канал глазами М.М. Пришвина: очерк “Отцы и дети” // М.М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания: материалы Всероссийской научной конференции. 3-4 февраля 2023 года. Елец, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2023. С. 110.

14 декабря. Иленьков объявил, что “Канал” нецензурен, нельзя писать о канале: он скомпрометирован. Необходимо вывернуть всю географо-историческую часть и наvertеть все на другое. Это был такой удар по голове, что я заболел.¹⁶

После 1937 года тема Беломорского лагеря на самом деле начинала, хотя и постепенно, исчезать из публичного дискурса. В 1940 году в “Вопросах истории” вышла статья некоего А. Пруссак “Из истории Беломорканала”, восстанавливающая проекты соединения двух морей в истории с петровских времен и до того момента, когда советская власть сумела наконец решить проблему, над которой бессильно бились царские чиновники и капиталисты. “В ноябре 1931 – пишет автор без дальнейших разъяснений, – строительство Беломорканала было поручено ОГПУ”.¹⁷ Что следует из этой фразы? Что чекисты сами взялись за лопаты и тачки? Такая формулировка читается скорее всего как эвфемизм; и эвфемизм считался, очевидно, единственным приемлемым способом упоминания о лагере.

Уже в 1939 году вышла *Судьба барабанщика* Аркадия Гайдара, где Беломорканал упоминается в зашифрованном виде:

Отец работал сначала где-то в лагере под Вологдой, на лесозаготовках. Писал часто Валентине письма и, видать, по ней крепко скучал.

Потом вдруг он надолго замолк. И только чуть ли не через три месяца прислал – но не ей уже, а мне – открытку; откуда-то с дальнего Севера, из города Сороки. В ней он писал, что его как сапера перевели на канал. И там их бригада взрывает землю, камни и скалы.¹⁸

Города под названием Сорока не существовало, поселок же под этим названием вошел в 1938 году в состав новообразованного города Беломорск. Канал, на котором работал отец героя, – тот же Беломорканал, что читателю, знакомому со сборником 1934 года, было, вероятно, ясно. По-видимому, все, что было нужно для того, чтобы текст стал приемлемым, – это назвать вещи не своими именами. Как пишет Блюм, “Общество постепенно из идеократического превращается в логократическое, многие слова становятся табуированными независимо от контекста”.¹⁹ Или дело в слабой подготовке цензоров? Они, по его же мнению,

были натренированы, можно сказать, “натасканы”, главным образом, на поиск криминальных имен: подобно тому, как во время корриды бык не обращает вни-

¹⁶ Пришвин М. Леса к “Осударевой дороге” // Наше наследие. 1990 № 14 (2). С. 78.

¹⁷ Пруссак А. Из истории Беломорканала // Вопросы истории. 1945 № 2. С. 142.

¹⁸ Гайдар А. Судьба барабанщика. // Сочинения. М.-Л., Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1948. С. 217.

¹⁹ Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора. С. 166.

мания на главных своих противников и мучителей – тореадоров, а исключительно на красную тряпку, так и цензоры реагировали преимущественно на имена, в сравнительно редких случаях “нападая” на содержание. Да и разобраться в нем, учитывая их крайне низкий образовательный и интеллектуальный уровень, им было не под силу.²⁰

Упоминание Соловков у Твардовского, с которого мы начали, – обратный случай, хотя цели те же, что и в случае подмены географических названий у Гайдара. У Твардовского топоним, без дополнительных объяснений, служит указанием на неназванный лагерь. Любопытно, что упомянутая строфа была пропущена цензурой, когда в те же годы само упоминание островов было под запретом – даже во внутренней прессе Белбалтлага.²¹ Здесь, возможно, автор пользовался тем, что Назим Хикмет назвал техникой “белой собачки”,²² то есть Твардовский нарочно включил в текст явно недопустимые слова для того, чтобы отвлечь внимание цензора. Такую роль у него играют строфы, следующие за цитируемой выше: отсутствующие в ранних изданиях поэмы, они были восстановлены в 1966 году во втором томе *Собрания сочинений* писателя:

– Их не били, не вязали,
Не пытали пытками,
Их везли, везли возами
С детьми и пожитками.
А кто сам не шел из хаты,
Кто кидался в обмороки, –
Милицейские ребята
Выводили под руки...²³

²⁰ Блюм А. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917-1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: Санкт-Петербургский гос. Ун-т культуры и искусств, 2003. С. 14.

²¹ Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора. С. 139.

²² Так, в пьесе *А был ли Иван Иванович?*, один художник объясняет, каким образом он добивается того, чтобы его работы всегда принимали на выставки: “Дело в том, что я всегда в первом плане рисую маленькую белую собачку. Члены комиссии, конечно, сразу же возражают: ‘К чему здесь эта собачка? Уберите собачку!’ Я отвечаю: ‘Нет, не могу убрать. Собачка необходима для композиции’. Члены комиссии требуют убрать собачку. Я категорически отказываюсь. Всякий раз спор длится часами. Наконец я говорю: ‘Дайте мне подумать’. Через несколько дней прихожу и говорю: ‘Да, вы правы. Я принимаю вашу критику. Собаке здесь действительно не место. Я её убрал’. И картину мою берут!” Хикмет Н. *А был ли Иван Иванович?* // Новый мир. 1956 № 4. С. 48-49.

²³ Твардовский А. Собрание сочинений, Т. 1, с. 233. В дневнике 1965 г., автор писал: “В *Муравии* восстанавливаю выброшенные еще в первом издании две строфы из ‘кулац-

В ныне опубликованной главлитовской *Краткой инструкции: Перечень по охране государственных тайн в печати* читаем:

В печать пропускать можно: все рисунки и фотоснимки, изображающие использование колхозом бывших кулацких средств производства для целей колхозного строительства (например: бывший дом кулака, в котором открыта школа, или бывший кулацкий инвентарь, ныне используемый колхозом, и т.д.).

В печать пропускать нельзя: рисунки и фотографии, изображающие самый процесс раскулачивания (например: кулак с детьми выходит из отобранного дома, или кулака под конвоем отправляют из села, и т.п.).²⁴

Процитированные выше стихотворные строки точно подходят под вторую рубрику. Гипотезу о том, что они были включены в текст нарочно для того, чтобы быть замеченными цензурой, способствуя таким образом разрешению предыдущей строфы, сегодня невозможно доказать, но ее нельзя не принимать во внимание.

Любопытно, что в том же 1966 году, когда Твардовский смог наконец восстановить и эти строфы, в “Литературной газете” вышли *Соловецкие мечтания* Юрия Казакова, где опять-таки о лагере говорится только намеком. В очерке писатель рассказывает о своем посещении островов и жалуется на плохое состояние исторических достопримечательностей, о низком уровне услуг для начинающих приезжать сюда туристов. В описании скита на острове Анзер появляются довольно внушительные детали:

Бурьян, иван-чай, какие-то зонтичные травы – все это было нам по плечи, дома стояли без стекол, с черными глазницами, кельи вблизи сочились красной кирпичной кровью (вот откуда эта розоватость-то издала!), церкви разбиты, искверканы, на одной колокольне вместо купола сторожевая вышка с перильцами, окна на втором этаже келий в толстых решетках.²⁵

Всем ясно, откуда в ските решетки и сторожевая вышка. О лагере на Соловках еще в 1966 году Казаков не решается отзываться открыто.

кой свадьбы””. Твардовский А. Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1: 1961-1966 / Подготовка текста, коммент. В.А. и О. А. Твардовских. — М., ПРОЗАиК, 2009, с. 347. Комментарий указывает на то, что “Попытку восстановления цензурных изъятий из *Страны Муравьи* А. Т. предпринял еще при ее переиздании в Запгизе (Смоленск) в 1937 г., чем поставил под удар всю поэму.” Там же, с. 617.

²⁴ Цензура в Советском Союзе 1917-1991: Документы / под. Ред. А. Блюма. М., РОССПЭН, 2004. С. 186.

²⁵ Казаков Ю. Соловецкие мечтания. // Литературная газета, 13/9/1966.

Интерпретация

На основе приведенных примеров, ответить на вопрос, стоящий в заглавии данной работы, становится еще более затруднительно. Были ли лагеря запрещенной темой? Вероятно, да. Но не будет преувеличением сказать, что, если так поставить вопрос, запрещенной в сталинские годы была, как ни парадоксально, фактически любая тема.

Был ли сборник о Беломорканале исключением из общего правила? Безусловно. Но, поскольку любая тема была запрещенной, исключением можно считать фактически любую вышедшую в эти годы книгу. *Страна Муравия*, считающаяся сегодня чуть ли не эталоном сталинской литературы, была под угрозой запрещения, до тех пор пока поэма Сталину почему-то понравилась.²⁶ *День второй* вышел только после того, как Эренбург, получивший уже два отказа от двух советских издательств, напечатал в Париже за свой счет 400 экземпляров и отправил их советским руководителям.²⁷ Начальная глава *Судьбы барабанщика* вышла в “Пионерской правде” в 1938 году (в газетной варианте, кстати, опасного топонима нет),²⁸ а второй не последовало. Писатель серьезно готовился к печальному исходу, но вдруг, вместо ордера на арест, пришел орден, и повесть напечатали.²⁹ Перечень нетрудно продолжить. Само количество подобных историй наводит на мысль, что без особого разрешения не могла выйти почти ни одна книга.

На основе сказанного можно представить литературный процесс под гнетом сталинской цензуры в виде сложной игры с негласными правилами, в которой принимали участие четыре игрока.

Первый игрок – писатели, часто пытавшиеся сделать так, чтобы их идеи ускользнули от цензуры;³⁰ но и тогда, когда единственное намере-

²⁶ См. Турков А. Александр Тарковский. М., Молодая гвардия, 2010. С. 51-68.

²⁷ См. Попов В. – Фрезинский Б. “Есть у нас общая цель”: По страницам неизданной переписки (К 50-летию выхода романа И. Эренбурга “День второй”) // “Новый мир”. 1984 № 8. С. 240-245.

²⁸ См. Гайдар А. Судьба барабанщика // Пионерская правда. 2/11/1938.

²⁹ См. Быков Д. Время потрясений. 1900-1950 гг. М., Эксмо, 2018. С. 413. Глуценко, И., “Преданная революция”: тайное послание книги Аркадия Гайдара // ILCEA [Онлайн], 36, 2019, <<http://journals.openedition.org/ilcea/6964>>.

³⁰ Как пышет Мариэтта Чудакова, в *Голубой Чашке* “... Гайдар уже выстраивал свой собственный универсум, приучая читателя к игре, ко второму плану, к двойному дну, формируя то поэтику подставных проблем, которая с наибольшей полнотой воплотится в *Судьбе барабанщика* и дойдет до слуха читателя, уже настроенного *Голубой чашкой* на

ние писателя было угодить властям, ему нужно было все-таки гадать, что именно власти от него хотели, а это было непросто (история с *Молодой гвардией* Фадеева – самый наглядный пример такого положения вещей).

Второй – читатели, чья роль тоже была отнюдь не пассивной; как писал Майкл Холквист,

One of the ironies that define censorship as a paradox is that it predictably creates sophisticated audiences. The reader of a text known to be censored cannot be naive, if only because the act of interdiction renders a text parabolic.³¹

Третий игрок – цензоры; их работа тоже была не из легких. Как показывают документы, обнаруженные Блюмом, они рисковали быть обвиненными во вредительстве не только за пропуск сочинений, оказавшихся нежелательными, но и за излишнее рвение – как гласило письмо Ленгорлита секретарю Ленинградского обкома от мая 1938 года:

допущен ряд политических ошибок при изъятии контрреволюционной литературы, чтобы лишить нашего читателя необходимой литературы и создать недо-вольство среди широкого населения (это один из вредительских приемов).³²

Самые главлитовские перечни запрещенных сведений, хотя и “совершенно секретные”, оставляют впечатления текстов, написанных для публичного оглашения, с полным набором эвфемизмов, требующих, следовательно, тщательной интерпретации. В качестве примера приведем параграф из *Перечня сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению* 1976-го года, касающийся сведений о лагерях. Запрещены были:

1. Количество следственных изоляторов, тюрем, колоний, мест ссылки, камер предварительного заключения – по городу и выше.
2. Сведения о дислокации колоний и мест ссылки – без разрешения Министерства внутренних дел СССР или МВД союзной республики.
3. Сведения о существовании исправительно-трудовых лагерей (начиная с 1957 г.).
4. Сведения о спецпереселениях, а также термины “спецпереселение”, “спецпереселенцы”, “спецпоселение”.

это двойное звучание”. Чудакова М. Сквозь звезды к терниям. Смена литературным циклов / Избранные работы. I: Литература советского периода. М., Языки русской культуры, 2001. С. 349.

³¹ Holquist, M. Corrupt Originals: The Paradox of Censorship // PMLA. 1994, № 109 (1). С. 14.

³² Цензура в Советском Союзе 1917-1991: Документы. С. 277; см. также Блюм, А., Советская цензура в эпоху тотального террора. С. 58.

5. Сведения о спецкомендатурах и их деятельности.

Примечание. Разрешается упоминать о наличии колоний и мест ссылки в области, крае, республике.³³

Четвертый игрок – это тот, который в сталинскую эпоху и раздавал карты: речь идет о властях. Их намерения труднее всего разгадать. Чего они добивались запрещением упоминать лагеря? Вряд ли они хотели, чтобы население о лагерях не знало. Сам масштаб репрессий сделал это невыносимым. Сам термин “тайная полиция” в применении к НКВД, по мнению Христины Ватулеску, проблематичный:

The word *secret* is then misleading – the police was never interested in hiding its existence, and instead put up a highly visible spectacle of secrecy. Indeed, the Soviet secret police was the subject of a carefully orchestrated public cult, in full force at the peak of the 1937 purges...³⁴

Вероятнее всего, властям было важно не столько то, чтобы люди верили, сколько то, чтобы делали вид, что верят. Важно было, чтобы все были втянуты в игру, чтобы научились, по выражению Стивена Коткина, “говорить по-большевистски”. Как пишет Коткин,

It was not necessary to believe. It was necessary, however, to participate as if one believed – a stricture that appears to have been well understood, since what could be construed as direct, openly disloyal behavior became rare.³⁵

Определенный уровень двойственности, при этом, был не только приемлемым, но даже желаемым:

Of course, with any belief system, it would be necessary to admit the possibility of half belief and of simultaneous belief in contradictory things. But the “regime of truth” in the Stalin years *required* of people just such a tactic, although without public acknowledgment, for the scientifically determined picture of reality sometimes clashed with events of daily life.³⁶

Это уже ясно видел Джордж Оруэлл, чьи слова могут служить моралью к реконструируемой истории:

– Но как вы помешаете людям вспоминать? – закричал Уинстон, опять забыв про

³³ Главлит СССР. Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению. М., 1976. С. 97.

³⁴ *Vatulescu C. Police Aesthetics. Literature, Film, and the Secret Police in Soviet Times. Stanford, Stanford University Press, 2010. С. 2.*

³⁵ *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. Berkeley and London, University of California Press, 1997. С. 220.*

³⁶ *Там же. С. 228.*

шкалу. – Это же происходит помимо воли. Это от тебя не зависит. Как вы можете управлять памятью? Моей же вы не управляете?

О’Брайен снова посуровел. Он опустил руку на рычаг.

– Напротив, – сказал он. – Это вы ею не управляете. Поэтому вы и здесь. Вы здесь потому, что не нашли в себе смирения и самодисциплины. Вы не захотели подчиниться – а за это платят душевным здоровьем. Вы предпочли быть безумцем, остаться в меньшинстве, в единственном числе. Только дисциплинированное сознание видит действительность, Уинстон.³⁷

Заключение

Приведенный материал ставит под сомнением слишком прямолинейные интерпретационные модели функционирования литературной системы в сталинские годы, теории о Master Plot’е или схемы, претендующие на простое объяснение тоталитарной логики. При анализе конкретных явлений обнаруживаются процессы адаптации и согласования. С одной стороны, здесь, очевидно, играла важную роль программная непредсказуемость действий сталинской власти. По словам Ханны Арендт,

во всяком случае, в Советском Союзе революции в форме радикальных чисток стали перманентной системой сталинского режима после 1934 г. <...> Фактически Гитлер и Сталин обещали стабильность единственно для того, чтобы скрыть общее для них намерение создать государство перманентной нестабильности.³⁸

С другой стороны, приведенные факты наводят на мысль, что в намерения властей входило скорее не строительство искусственной, сказочной реальности, в которой лагеря не существовали, а втягивание публики в сложную игру намеков и иносказаний, в которой каждый из участников был обязан взять за себя хотя бы частично ответственность за всеобщую ложь, где все знали о существовании лагерей и могли даже говорить о них, но только иносказательно. В послесталинскую эпоху власти потеряли монополию на раздачу карт.

³⁷ Оруэлл Дж. 1984 // Новый мир. 1989 № 4. С. 101.

³⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., ЦетрКом, 1996. С. 510-511.

Abstract

Were Prison Camps a Forbidden Theme? An attempt to reconstruct the unwritten rules of the game

It is commonplace that prison camps were a forbidden theme for Soviet writers. There exists, however, a number of instances contradicting it – from the explicit reference to Solovki in Aleksandr Tvardovskii continuously reprinted *Land of Muravia* or the paragraph-long frank depiction of the role of convicts in Soviet industrial construction in Ilia Ehrenburg's *The Second Day* to the more implicit mention in Arkadii Gaidar's *The Drummer's Fate*, another book constantly on the market: a whole spectrum of different solutions, a catalog of which still waits to be compiled.

Based on the above-mentioned bibliographical findings and on Arlen Blum's archival research, we can attempt a reconstruction of the unwritten rules of the game. A game with four separate players: writers, censors, readers and authorities whose intentions are the hardest to reconstruct. Given the scope of the repressions, they hardly could think that the public could be kept from knowing of the existence of prison camps. One possible explanation of their choices was the "state of permanent instability" that, according to Hanna Arendt, characterizes totalitarian regimes. On the other hand, from an Orwellian perspective, we could speculate that their ultimate intention was to engage society as a whole in the game, to force people to participate in the generalized lie.

Keywords: Soviet censorship, GULag literature, Socialist Realism, White Sea-Baltic canal.